

Книга Брандта еще раз доказывает, что не только сама история, но и ее действующие лица (особенно такого масштаба как Константин I), даже если частично сняты с них флер агрессивной мифологизации, обладают мощной идейно-политической и эстетической выразительностью. Таким образом, возможны два подхода: можно привносить в историю усиленный идейно-конъюнктурный элемент (как это делали, в частности, Лактанций и Евсевий), и это путь мифологизации истории. Но можно выявить содержащийся в исторической реальности значимый образный смысл, что позволяет, приоткрывая сущность, оставаться в границах фактов.

А.С. Козлов

Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М.: Наука, 2010. 341 с.

Рецензируемая монография – успешный результат длительного и плодотворного труда, обусловленный, полагаю, по крайней мере двумя факторами. Первый фактор – это ярко выраженный устойчивый интерес автора именно к социально-политической истории ранней Византии и, в частности, к тем ключевым явлениям эволюции империи, которые формировали ее позднеантичный характер, но в особом, восточноримском обрамлении. Генезис и эволюция сенаторского сословия (намного лучше поддающиеся реконструкции, нежели драматическое развитие сословия курiales, благодаря состоянию источников и применению новейших методик анализа) как раз и являются одним из надежнейших индикаторов подобных качеств Византии. Вторым фактором, очевидно, оказалась эффективность сопряжения метода тематического анализа сословной страты (в данном случае ранневизантийских сенаторов) и метода просопографического описания ее отдельных групп и даже личностей: эффективность, проверенная исследовательницей уже в первых статьях на эту тему (например: ВВ. 1972. Т. 33; 1989. Т. 50; 1990. Т. 51 и др. См. с. 294 рецензируемой монографии)¹.

Конечно, само обращение к просопографии позднеантичного *ordo senatorius* и к методикам ее использования (в том числе в рамках историко-антропологического подхода) имело место еще в процессе подготовки к печати первого тома “*The Prosopography of the Later Roman Empire*”². Машинописным текстом этой капитальной работы воспользовался М. Арнхейм, что обеспечило не только оригинальность, но и глубину его исследования позднеантичной сенаторской аристократии³. Плодотворность новой методики сразу же отметил в своем замечании по поводу его изысканий Р. Браунинг: “Вероятно, это первое исследование, которое в значительной степени базируется на материале PLRE: оно ярко демонстрирует ценность таких собраний ... это – модель того, что может сделать с материалом PLRE историк с зорким взглядом на важную проблематику”⁴. Равным образом упомянутая рукопись изучалась и

¹ Вторичная апробация данного материала прошла на учебно-методическом уровне: Чекалова А.А. Сенаторская знать ранней Византии (спецкурс). М., 2000; Она же. У истоков византийской государственности: сенат и сенаторская аристократия Константинополя IV – первой половины VII в. Учебное пособие для вузов. М., 2007.

² Mathisen R.W. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Yesterday, Today and Tomorrow // Fifty Years of Prosopography: The Later Roman Empire, Byzantium and Beyond* / Ed. Av. Cameron. Oxford, 2003. P. 26.

³ Arnheim M.T.W. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford, 1972.

⁴ Browning R. Constantine and the Senatorial Aristocracy // *Classical Review* (N.S.). 1972. Vol. 25. № 1. P. 107.

Дж. Мэтьюзом, который в предисловии к своей монографии признался, что вряд ли написал бы ее, если бы не любезность профессоров А. Джонса и Дж. Мартиндейла, обеспечивших ему доступ к материалам неопубликованной PLRE⁵. Но нельзя не заметить, что методика А.А. Чекаловой заметно отличается от подходов западных коллег. Она сосредоточила внимание на сенате и сенаторах Восточной Римской империи, причем в рамках, значительно превышающих хронологию и объем предмета исследования Арнхейма и Мэтьюза. В итоге – цельное и системное представление об эволюции, общественной реализации и отчасти рефлексии верхушки позднеантичного господствующего класса в пределах Восточного Средиземноморья.

Если же сравнить рецензируемую монографию с отчасти сходной с ней по тематике главой “Сенаторское сословие” в книге Г.Е. Лебедевой, вышедшей в 1980 г.⁶, то сразу заметна разница в предметном и методических подходах. Чекалова изучает константинопольских сенаторов на широком (хотя и далеко не полностью освоенном) цивилизационном поле, входя в такие его сектора, как эволюция взаимовлияния титулов и должностей, общественные и служебные функции, ментальность (прежде всего представления о знатности), родственные и дружеские связи. Лебедеву же интересует в первую очередь социальный и сословный аспект восточноримского *ordo senatorius*, в том числе и взаимодействие с другими сословиями империи. Инструментарий Лебедевой – ранневизантийское законодательство. Инструментарий Чекаловой – это главным образом просопографические данные, складывающиеся из тысяч крупниц разнородных источников. Если Лебедева четко определяет место нескольких изучаемых социальных групп в обществе в основном в качественном отношении, то Чекалова благодаря комплексному методу в исследовании разнохарактерных памятников (при превалировании просопографического анализа) получает и количественные результаты. Последние серьезно корректируют многие наши былые представления не только о сенаторах Константинополя, но и вообще о тенденциях развития господствующего класса поздней античности. Внушает уважение терпение, а не только тщательность исследовательницы в получении этих результатов: ведь Чекалова имеет дело с разнородными по происхождению и разными по репрезентативности данными примерно о 3500 членах *ordo senatorius* (на каждого из которых составлялось просопографическое досье) (с. 9). Здесь, полагаю, можно видеть преемственность со схожими методами работы (в рамках российского византиноведения) пионера в системном изучении господствующего класса Византии, незабвенного А.П. Каждана.

Системность подхода Чекаловой к предмету своего исследования определила логику тематического анализа *ordo senatorius*. Логика эта, исходя из доказательства того, что сословие ранневизантийских сенаторов являлось социальным новообразованием (с. 70–80, 247), продиктовала нетрадиционную для российского византиноведения (считая с 40-х годов XX в.) последовательность и структуру исследования, начинающегося не с социально-экономической базы сенаторства (ей посвящена лишь гл. 6), а с генезиса сенаторского сословия Константинополя. Ибо следует полностью согласиться с тем, что этот генезис во многом – плод *политического* акта Константина I, создавшего новый, “свободный от груза старых традиций центр управления империей” (с. 70; курсив мой. – А.К.), где опорой императора стала не родовитая знать и где новый, императорский сенат стал организацией прежде всего придворной служилой аристократии (с. 16, 73, 79–80, 247–248).

О “служебной”, государственнической ориентации ранневизантийской знати говорилось давно. В середине 60-х годов XX в. о чиновном характере восточно-

⁵ *Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court, A.D. 364–425. Oxford, 1975. P. XIII.*

⁶ *Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. С. 149–163.*

римского сенаторского сословия писали Х.-П. Бек и Р. Гийян⁷. А. Джонс тогда же заявил, что сенат пополнялся главным образом за счет почетных пожалований (т.е. не через службу)⁸. Ж. Дагрон отрицал возможность существования в ранней Византии особой “служилой” аристократии, считая более корректным говорить об “имперской аристократии”, сплоченной вокруг центральной власти⁹. С определенными оговорками мнение Дагрона поддержала Г.Е. Лебедева¹⁰. Чекалова, не чуждаясь термина “высший слой имперской знати” (см., напр., с. 211), с помощью последовательного применения просопографических данных показала, что константинопольская сенаторская аристократия «сохраняла свой “служилый” облик на протяжении всего ранневизантийского периода» (с. 248). Сам принцип достижения сенаторского звания через службу императору, окончательно оформившийся при Констанции II¹¹ (на критерии подбора кандидатов в сенаторы, сформулированные тогда Фемистием, особо обратила внимание Г.Е. Лебедева)¹², повлиял даже на мышление попавших в сенат лиц свободных профессий, начавших во времена Иоанна Лида рассуждать не столько в рамках полисных ценностей, а по-государственному, гордясь высоким императорским жалованьем (с. 74–77, 143).

Ставя своей целью изучение “высшего социального слоя империи” (с. 5), Чекалова в то же время крайне осторожна в определении конкретного состава этого слоя. С одной стороны, ею констатируется, что число “земельных магнатов в ранней Византии было сравнительно невелико” (с. 21) (хотя сенаторства как особого социального слоя на Востоке до 30-х годов IV в. не существовало), с другой, подчеркивается важнейший процесс в эволюции господствующей верхушки восточной части Римской империи (после основания Константинополя) – формирование “новой военно-чиновной знати”, которая теснит ранее царившую в полисах куриальную, муниципальную знать, но потом сливается с ее верхушкой, принципалами, “в один слой провинциальной аристократии” (ктиторы, динаты грекоязычных источников) (с. 25–26). Именно сложность такого рода эволюции (здесь Чекалова крайне последовательна) сопрягается как с развитием титулатуры представителей этих страт, ставших сенаторами, так и с взглядами на знатность в ранней Византии (гл. 3, 8). Но что касается установления социального состава сената Константинополя, то Чекалова, корректно оговорившись по поводу возможности определить происхождение только половины восточноримских сенаторов, полагает, что это учреждение социально было “весьма смешанным”, в нем можно было найти выходцев из всех слоев общества (даже бывших рабов) (с. 130). Попутно замечу: о крайней сложности и пестроте социального состава столичной аристократии исследовательница говорила и раньше, в начале 1970-х годов¹³.

В свое время Г.Е. Лебедева писала о переоценке исследователями силы ранневизантийской вертикальной динамики (обусловленной в том числе ориентацией знати

⁷ Beck H.-G. *Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt* // BZ. 1965. Bd. 58. S. 18; *Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines*, I. Berlin; Amsterdam, 1967. P. 23.

⁸ Jones A.H.M. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. Vol. I. Oxford, 1964. P. 527.

⁹ *Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. P., 1974. P. 178.

¹⁰ Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества... С. 152.

¹¹ Вероятно, при Констанции II константинопольский сенат также достиг равного положения с римским. См.: *Piganiol A. L'empire chrétien (325–395)*. P., 1947. P. 387; *Dagron G. Naissance d'une capitale...* P. 124.

¹² Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества... С. 155.

¹³ Чекалова А.А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // ВВ. 1972. Т. 33. С. 25.

на императорскую службу) для пополнения и корректировки облика *ordo senatorius*¹⁴. Чекалова, используя просопографическую методику, по сути дела приводит конкретные доказательства справедливости такого рода суждения, но по тем срезам социального бытия, которые ни Г.Е. Лебедева, ни, например, Р. Гийян (допускавший регулярные, хотя и частичные обновления состава сенаторов) не затрагивали¹⁵. Так, можно считать доказанной относительность нестабильности в положении сенаторов в Византии, ибо здесь также возникали (правда, в иных масштабах, нежели на Западе) долговечные сенаторские династии (с. 144, 248). Не менее убедителен и вывод об огромной значимости для устойчивости служилой (гражданской и военной) верхушки ранней Византии “сложной сети дружеских связей”, окутывавшей “невидимыми нитями сложную бюрократическую машину” империи (с. 142). Чекалова приводит примеры действенности системы родственного и свойственного протекционизма со стороны восточноримских сенаторов, обеспечивавших соответствующими должностями родственников и близких людей для приобретения теми в будущем сенаторского звания (с. 146 и сл.). Не менее фундировано показана весомость матримонильных связей, опять-таки работавших на тенденцию к замкнутости сенаторского сословия (с. 149–151).

Одним из результатов дотошного применения Чекаловой метода просопографического анализа стало доказательство такого важного явления, как относительно слабая пополняемость константинопольского сената из среды куриалов (в период его формирования). В IV в. из 688 членов сената таковых было примерно 40 (см. с. 121)¹⁶. Таким образом, Чекалова фактически опровергает тезис о формировании сената на Востоке преимущественно из верхушки муниципальной знати – тезис, в разных его вариациях поддерживаемый в свое время Ж. Дагроном, А. Джонсом, Г.Л. Курбатовым и Г.Е. Лебедевой¹⁷. В некоторой степени этот вывод Чекаловой близок мнению Дж. Либешютца, полагающего (впрочем, без приведения обстоятельной аргументации), что сенат и сенаторское сословие Востока “were drawn in part from the wealthiest citizens of the largest Greek cities of the East”¹⁸. Однако другого тезиса английского коллеги – о значительном весе в сенате Константинополя на рубеже IV–V вв. выходцев с Запада¹⁹ – исследовательница совершенно не разделяет. Приводя конкретные имена римских сенаторов, оказавшихся в Константинополе, обстоятельства их появления на Востоке и, главное, качество источниковой традиции, сообщающей эти сведения, Чекалова показывает крайне низкий удельный вес этих лиц среди сенаторов Нового Рима и, что было довольно часто, временность пребывания их там. Сама малочисленность римских сенаторов не позволяла им всерьез влиять

¹⁴ Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества... С. 150.

¹⁵ О значительной социальной открытости сенаторского сословия на позднеантичном востоке в последнее время пишет П. Хизер. См., например: *Heather P. New Men for New Constantines? Creating an Imperial Elite in the Eastern Mediterranean // New Constantines: the Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th–13th Centuries / Ed. P. Magdalino. Aldershot, 1994. P. 11–33.*

¹⁶ Для всего периода V – середины VII в. исследовательницей выявлено 18 куриалов, ставших сенаторами. См. с. 127.

¹⁷ По-моему, компромиссную на этот счет точку зрения, независимо друг от друга и в разное время, высказали П. Пети и А. Шастаньоль, которые отмечали, что сенат Константинополя в значительной степени вырастал из восточноримской городской служилой верхушки и императорской бюрократии: это и способствовало его зависимости от императора. См.: *Petit P. Les senateurs de Constantinople dans l'œuvre de Libanius // L'antiquité classique. 1957. Т. XXVI, 1957. Fasc 2. P. 347–382; Chastagnol A. L'évolution de l'ordre senatorial aux III^e et IV^e siècles de notre ère // RH. 1970. № 496. P. 305–314.*

¹⁸ *Liebeschuetz J.H.W.G. Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, 1990. P. 135.*

¹⁹ *Ibid. P. 136.*

на формирование ранневизантийского senatorского сословия (с. 76). Полагаю, после такого скрупулезного исследования вопрос о якобы массовом переезде римских сенаторов вместе с Константином I в новую столицу следует считать практически решенным.

Кстати говоря, прекрасным приложением к исследованию является список сенаторов Константинополя IV в., где отдельными группами выделены лица свободных профессий, представители сословия куриалов и выходцы из римской аристократии (последних – всего 17 человек; с. 251–287)²⁰.

Надо особо сказать, что внимание к развитию титулярно-должностного обеспечения senatorского звания, к ментальности ранневизантийской знати (пусть в пределах, ограниченных взглядами IV–VI вв. на знатность) заметно отличает монографию Чекаловой от социально заостренных (по тематике) прежних работ российских византистов, посвященных господствующему классу. Отличается в этом отношении рецензируемая книга и от первой монографии самой исследовательницы, посвященной характеристике Константинополя VI в. и восстанию Ника. Остановлюсь в этой связи на тех наблюдениях Александры Алексеевны, которые представляются мне наиболее значимыми для характеристики восточноримской позднеантичной верхушки. Во-первых, это доказательство отличия восточноримского обладания претурой: если на Западе претур – стартовая площадка в карьере сенатора, то в Византии – тягостная, хотя и эвергетическая обязанность уже состоявшихся сенаторов, причем в условиях, когда организацию зрелищ берет на себя император, заинтересованный в оптимальной поставке средств на эту организацию со стороны обложенных литургией сенаторов. Чекалова права, когда видит в подобной литургии нечто вроде замаскированного налога (с. 87, 89). Далее, что касается наблюдений за спецификой в ранней Византии динамики получения клариссимата, спектабилиата и иллюстрата, то в самом фактологическом материале, представленном в этом сюжете исследовательницей, ничего нового вроде бы и нет. Однако новое – в интерпретации данного комплекса сведений, опять-таки исходящей из определения senatorского слоя, прежде всего как военно-чиновного по своему характеру. Разнообразие и массовость службы сенаторов не могли не вести к усложнению иерархии чинов, а накладываясь на сугубо античную практику краткости занятия должности, действительно вели не только к обесцениванию прежних титулов и появлению новых, но и к росту численности сословия (с. 91)²¹.

²⁰ Думаю, презентация персонального состава сената (конечно, выявляемого в источниках на сегодняшний день) именно IV в. обусловлена не только нехваткой места в монографии и тем, что именно в этом столетии создавались основы и специфика данного учреждения. Материал, демонстрируемый в книге Чекаловой, свидетельствует о постепенном редуцировании (от века к веку) полновесных данных об исследуемом слое, которые можно выявить в источниках. Только один пример: если для характеристики сенаторов IV в. мы имеем массу сообщений таких светских авторов как Фемистий, Ливаний, Аммиан Марцеллин, для рубежа IV–V вв. – Синесий и т.п., то в дальнейшем число подобных информаторов сокращается. Сведения авторов V, отчасти VI в. в данном плане утрачивают системность. Сочинения Прокония как крупный источник для характеристики ситуации с персонами сенаторов VI в. – приятное исключение. Конечно, начиная с трудов Григория Богослова, Василия Великого и особенно Иоанна Златоуста мы имеем данные, оставленные теологами и служителями церкви (в том числе и эпистолярные), на первый взгляд, способные компенсировать такого рода потери. Но отцов Церкви проблемы, связанные с жизнью и деятельностью конкретных лиц из местной и столичной верхушки интересовали намного меньше, тематика их посланий и писем – совершенно иная, нежели у Ливания и Синесия. Просопографические доось сенаторов с V в. начинают явно худеть.

²¹ Интересную интерпретацию сообщению Анонима Вalezия о предоставлении членам ново-созданного сената титула *clari* дал И. Кёниг. По его мнению, поскольку Константин I создал *senatum secundi ordinis*, то и титул его членов должен был оказаться иным, а не *clarissimi*,

Отсюда примечательна и трактовка судьбы на восточноримской почве такого классического античного явления, как консулат. Чекалова предполагает, что он со времен Константина Великого во многом оказался средством для поднятия престижа лиц (прежде всего не знатного происхождения), связанных со службой императору. Я бы добавил, что именно такого рода искусственность титулования (не связанного напрямую со служебными обязанностями) стала одной из причин исчезновения ординарного консулата; к этому могла вести и некоторая схожесть консулата с претурой, о чем в монографии сказано предельно четко: с правления Маркиана и Зинона за консульство вносилось в казну 100 либр золота (с. 105); размывание литургического содержания консулата соответствовало росту значимости императорской службы в среде знати. Рост императорского консулата (и здесь нельзя не отметить превосходную доказательную таблицу, составленную Чекаловой; с. 93–102) можно рассматривать как отражение двух дополнительных явлений, кроме тех, которые называются в монографии. Во-первых, полагаю, это рост эвергетической функции императора как компенсации возрастанию служебных функций восточноримской знати в целом (включая окружение самого василевса). Во-вторых, вакуум, образуемый постепенным исчезновением ординарного консулата, заполнялся ростом иерархичности титулатуры, прямо связанной со службой, а для высших сановников – пожалованием патрикиата.

Кстати, раздел “Патрикиат” (с. 106–119), как мне кажется, опять-таки показывает, как с помощью просопографической методики можно скорректировать наблюдения коллег, немало и успешно исследовавших этот важный позднеантичный (я бы добавил: и раннесредневековый) институт: В. Энслина, Р. Гийяна, В. Хейла, а ныне – Р. Матисена. Статистика патрикиата, ее анализ, предпринятый в книге (с. 112–115) наглядно показывают, во-первых, обретение этого титула преимущественно лицами, обладающими в ранней Византии высшими гражданскими должностями (в отличие от Запада, где его получали прежде всего военные), а во-вторых, демонстрируют в конечном счете неудачу попыток императоров создать с помощью патрикиата особую придворную знать. Эта неудача, по предположению Чекаловой, была обусловлена поведением высших чиновников империи: как патрикии они создали особую группу в сенате. Опять-таки служебность в известном смысле восторжествовала над сановностью.

Добавлю, что подобный материал и логика суждений могут сделать более понятным и поведение Одоакра, когда он, провозглашенный 23 августа 476 г. королем со стороны ряда германских группировок, сместил Ромула Августула и, признав над Италией власть восточного императора, домогался от Зинона именно патрикиата. В. Энслин в свое время писал, что в тот момент на Западе этот титул предполагал и должность *magister militum*²². О’Флинн с этим не согласился, приведя аргументы

как у сенаторов Рима; отсюда и обязанность войти в новое учреждение римские сенаторы могли воспринимать как поражение в привилегиях. См.: *König I. Origo Constantini: Anonymus Valesianus. Teil 1. Text und Kommentar // Trierer historische Forschungen. Bd. 11. Trier, 1987. S. 172.* Действительно, при таких обстоятельствах могли не срабатывать и льготы, предоставляемые Константином новой столичной верхушке и вообще жителям Константинополя, о чем сообщают Фемистий и Либаний (*Themist. Or. 3. 57; Liban. Or. 49. 2*), и тогда безусловно правы Ж. Дагрон и Ф. Тиннефельд, сомневаясь в переселении наследственных римских аристократов на Восток (*Dagron G. Naissance d’une capitale... P. 123; Tinnefeld F. Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur – Gegensätze – Spannungen. München, 1977. S. 60–61*). Но Чекалова, ссылаясь на А. Шастаньоля, совершенно справедливо указывает, что сообщению Анонима о *clarissimi* противостоят другие источники, в первую очередь надписи, свидетельствующие об обладании сенаторами Константинополя с самого начала титулом *clarissimi* (с. 89, примеч. 38).

²² *Enßlin W. Theoderich der Große. 2. Aufl. München, 1959. S. 58.*

отсутствия в случае с Одоакром возможности прямой зависимости между патрикиатом и высшим военным постом в империи²³. П. Мак-Джордж фактически поддержала мнение О'Флинна²⁴. Думаю, отсутствие у Одоакра должности *magister militum* настраивало его “провизантийски”, а также задавало определенную направленность и содержание переговоров между Зиномом и Теодорихом Амалом, получившим, как известно, консульство и патрикиат накануне своего похода в Италию²⁵.

В трех главах монографии просопографическая методика использована в ограниченной степени (в силу самого предмета исследования), а именно: в гл. 1, посвященной особенностям социально-политического развития ранней Византии, в гл. 7 (о роли сената в государстве и обществе) и в гл. 8, где исследуются представления современников IV–VI вв. о знатности. Из этих глав наиболее оригинальной (по репрезентативности материала и глубине его анализа) мне представляется последняя, а наиболее историографически актуализированной – гл. 7. Полагаю, в вопросе о неоднозначности влияния сената на политическую и общественную жизнь Византии Чекалова расставила точки над “и”, показав, что меньшая (по сравнению с Римом) политическая значимость константинопольского сената в известной степени компенсировалась значимостью социальной (прежде всего как способа консолидации чиновно-военной верхушки) и культурно-энергетической (во многом благодаря присутствию в сенате изрядного числа лиц свободных профессий). Что же касается оценок политической роли сената (которым зарубежные, прежде всего западные византинисты, занимающиеся институциональной историей, уделяют большое внимание), то здесь мне кажется вполне доказанной значительная (особенно до середины V в.) роль верхушки гражданских функционеров в процедуре выборов и провозглашения императора (материал на этот счет исследовательницей представлен обильный). Да и при описании процедур провозглашения Льва I, Зинона, Анастасия, Юстина I и даже Юстина II ведущую роль источники отводят архонтам и сенату. Известные тексты описания церемонии поставления этих лиц на престол, препарированные с учетом генезиса и места в империи новой “военно-чиновной знати”, серьезно корректируют историографические представления о политической слабости сената, ставшего к концу ранневизантийской эпохи ведущим фактором в обеспечении легитимности власти конкретного императора (с. 190). Полагаю, в этой связи также заслуживают отдельного внимания не только функции сената как судебной палаты, но и приводимые Чекаловой факты прямого принятия сенатом принципиальных политических мер в чрезвычайных ситуациях: борьба с беспорядками в столице в 560 г., инициатива в организации посольства к аварскому кагану в 599 г., обращение в 608 г. к экзарху Африки Ираклию с просьбой выступить против Фоки и т.д. (с. 192–193). Каждый из подобных случаев достоин специального исследования, способного усилить концептуальный контекст, заложенный в рецензируемой книге.

На этот контекст работает и исследование взглядов на знатность плеяды интеллектуалов от Ливания до Прокопия. Иначе говоря, на эволюцию воззрений от признания знатным лишь человека, обладавшего аристократизмом даже в четвертом поколении, до выдвигания на первый план в качестве критерия *εὐγένεια*, *ἀριστεία* или *ἐπιφάνεια* завидного места в военно-административном аппарате (при всем сохранении позитива родовитостью и образованностью). Правда, если привлекать к теме исследования ментальные области рефлексии современников

²³ См.: *O'Flynn J.M. Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton, 1983. P. 140.*

²⁴ См.: *MacGeorge P. Later Roman Warlords. Oxford, 2002. P. 280–281.*

²⁵ См.: об этом: *König I. Aus der Zeit Theodorichs des Grossen: Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar einer anonymen Quelle. Darmstadt, 1997. S. 118–120.*

(а они очень и очень в данном случае уместны), то не надлежало ли в первую очередь проследить эволюцию взглядов на собственно *ordo senatorius*, как таковой, и на константинопольский сенат как объект сосредоточения определенных общественных ценностей, а не только функций? Правда, в монографии есть множество соображений и отступлений по этому поводу (чего стоит хотя бы великолепный исследовательский портрет Юлианы Аниции!). Может быть, логически приоритет исследования взглядов именно на знатность даже корректнее (понятие знатности шире и более первично, нежели сенаторство), тем более, что объем монографии автору был задан вполне определенный. Но если вспомнить соответствующие изыскания Х.-Г. Бека, Е. Христофилопулу и Ав. Кэмерон и сравнить их с направлением мысли и логикой концепции Чекаловой, то от Александры Алексеевны можно, видимо, ждать успешного и оригинального решения множества иных вопросов, связанных с кругом культурологических проблем бытия ранневизантийского высшего слоя.

Интересно в этой связи: были ли взгляды на сенаторов в одно и то же время дифференцированы? – так же, как были расслоены не только титулами, но и размерами имуществ сами представители *ordo senatorius*. Чекалова наглядно показала, что из 83 столичных сенаторов VI в., об имуществе которых есть сведения, лишь 6 были собственниками поместий (4 из них – предположительно), 45 – домовладельцами, 18 – собственниками проастиев, а 31 – обладатели преимущественно движимостью (деньгами и пр.) (с. 162–166). Еще интереснее констатация факта, что не так уж редко сенаторы были просто бедны (по критерию неуплаты своих долгов), и пример с комитом доместиков Еввалием (VI в.) здесь весьма выразителен (с. 153). Если при этом учесть тот факт, что большинство земель к VI в. оказалось в руках императора, государства и церкви (с. 166–167), а сенаторы-аристократы были в основном горожанами, а не крупными землевладельцами, то поневоле задумаешься о корректировке картины слома античного землевладения в VII–VIII вв., рисуемой, в том числе изрядным числом работ и в российском византиноведении. Тем более, что один из основных выводов Чекаловой (о делении господствующего класса ранней Византии на верхушку военно-чиновной знати, представленную сенаторской аристократией, и провинциальную землевладельческую знать, сформировавшуюся из местных администраторов и принципалов) не отделяет последующий период ромейской истории от периода IV – первой половины VII в., а наоборот, сближает их (с. 250), по крайней мере по формальным признакам структуризации высшего общественного слоя²⁶.

Резюмируя сказанное, можно заявить, что монография Чекаловой – существенный вклад в византиноведение как в содержательно-концептуальном, так и в методическом плане. Есть в ней и определенный научно-дидактический заряд: имея дело с вроде бы традиционной проблематикой, при новаторском просопографическом подходе следует, как минимум, принимать во внимание специфику (тонкость, тщательность) его применения. В итоге книга демонстрирует целый каскад удачных и оригинальных решений при анализе особенностей не только восточноримского сенаторского сословия, но и вообще позднеантичного общественного развития в его восточноримском варианте.

А.С. Козлов

²⁶ Попутно замечу, что по мнению Ав. Кэмерон, в VII–VIII вв. преемственность в развитии сенаторского сословия в Византии нарушилась, и в составе синклита оказались не только высокопоставленные чиновники, но и определенные представители духовенства. См.: *Cameron Av. The Byzantines. London; Oxford, 2008. P. 81.*